

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:001.8

Т. С. Злотникова, В. А. Мазилев, Г. М. Нажмудинов

Архетип как код массовой культуры

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14–18–01833

В рамках работ по гранту «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс» составлен глоссарий, отразивший установленные авторским коллективом коды массовой культуры. Таким кодом, в числе других, определен архетип. Архетип рассмотрен в статье как объект самостоятельного исследования (К. Г. Юнг), конструируемый и верифицируемый в его самостоятельном значении и позволяющий совершать разнообразные интеллектуальные операции, направленные на установление иных представлений. Архетип рассмотрен также как матрица/механизм/алгоритм/модель иных представлений, на которые, собственно, и направлена мысль большинства исследователей; прежде всего это касается категории «мифа», а также «познания», «сознания», «языка», «характера», вплоть до «мира» и многих других. Архетип рассмотрен и как дефиниция, употребление которой позволяет конкретизировать либо расширять проблемное поле исследование, обогащать его содержание. Основой для обобщения представлений об архетипе стали работы Э. Кассирера, Е. Мелетинского, С. Аверинцева, К. Леви-Стросса, Л. Леви-Брюля, Э. Берна, а также З. Фрейда. Приведены примеры проявления архетипа в российской массовой культуре (мужской и женский архетипы в кино, литературе, на телевидении).

Ключевые слова: массовая культура, российский дискурс, глоссарий, архетип, код, матрица, миф, дефиниция, Юнг.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

T. S. Zlotnikova, V. A. Mazilov, G. M. Nazhmudinov

Archetype as a Mass Culture Code

As a part of the grant «The text and context of popular culture: the Russian discourse» glossary was compiled which reflected codes of the popular culture installed by the team. This code is defined as an archetype. The archetype is discussed in the article as an object of self-study (K.-G. Jung) having an independent value and allows you to make a variety of intellectual operations, aimed at establishing other views. The archetype is also considered as a matrix/mechanism/algorithm/model of other views. This primarily concerns the category «myth» and «cognition», «consciousness», «language», «character», up to «the world» and many others. The archetype is considered as a definition, the use of which allows you to specify or expand the research problematic field, to enrich its content. The basis for generalization of the concepts of the archetype was the works by E. Cassirer, E. Meletinsky, S. Averintsev, C. Levi-Strauss, L. Levy-Bruhl, E. Bern, and also Z. Freud. Examples of manifestations of the archetype in the Russian popular culture (masculine and feminine archetypes in film, literature, television) are represented.

Keywords: popular culture, Russian discourse, glossary, an archetype, a code, an array, a myth, a definition, Jung.

Исследование массовой культуры в качестве первого приближения сталкивается с проблемой раскрытия образа мира человека, который является потребителем данной культуры. Внутренний мир человека – то необходимое звено в исследовании, которое позволяет понять во всей полноте взаимодействие личности и культуры. В последнее время психологическая наука возвращается к широкому употреблению понятия «внутренний

мир человека» [18], появляются учебники по общей психологии, в которых внутренний мир человека выступает в качестве предмета психологии [19]. Для понимания внутреннего мира человека важно понятие коллективного бессознательного. «Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, а priori есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные време-

на. В этом образе с течением времени выкристаллизовались определенные черты, так называемые *архетипы*, или *доминанты*. Это господствующие силы, боги, то есть образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой» [22, с. 141].

В сознании современного исследователя в области гуманитарных наук понятие «архетип» ассоциируется с именем знаменитого швейцарского психолога Карла Густава Юнга. Для этого есть достаточное число оснований, хотя абсолютизировать роль выдающегося швейцарца в изучении данной проблемы все же не стоит. К. Юнг заметил: «Пожалуй, никакое мое понятие не вызывало так много недоразумений, как идея коллективного бессознательного» [21, с. 15]. «Коллективное бессознательное есть часть психики, которую можно отличить от личного бессознательного только негативно – как нечто, что не обязано своим существованием личному опыту и потому не является личным приобретением. В то время как личное бессознательное, по существу, состоит из содержаний, которые одно время были сознательными, но все-таки исчезли из сознания, – потому что были забыты или вытеснены, – содержания коллективного бессознательного никогда не были в сознании и никогда, таким образом, не были приобретены индивидуально, но обязаны своим бытием исключительно унаследованию» [21, с. 15].

Карл Юнг поясняет, что понятие архетипа, которое составляет необходимый коррелят к идее коллективного бессознательного, намекает на наличие определенных форм в психике человека, которые распространены всегда и повсюду. Идеи К. Г. Юнга, в частности понятия коллективного представления и архетипа, перспективны для разработки психологии в России [12, 15], хотя «возвращение» идей Юнга в контекст проблем и разработок современной российской психологии не выглядело беспроблемным [13, 14].

Обратим внимание в юнговском указании на то, что существует весьма широкий спектр терминов, выражающих идею архетипа, и с успехом используется в гуманитарном знании: «Мифологическое исследование называет их “мотивом”; в психологии примитивов они соответствуют понятию “epresentation collective”, введенному Леви-Брюлем; в области сравнительного религиоведения они были определены Юбером и Моссом как “категория имагинации”. Адольф Бастиан

уже давным-давно охарактеризовал их как “элементарные мысли” или “прамысли”. Из всех этих ссылок, конечно же, совершенно ясно следует, что мое представление об архетипе – дословно о некоей пресуществующей форме – не является исключительно моим понятием, но признано и известно также и в других областях науки» [21, с. 15].

Это обстоятельство дает основания рассмотреть понятие архетипа в более широком контексте. Поскольку *массовая культура* тяготеет к расчленению и личности, и продукта ее деятельности, художественного образа, на элементарные, простейшие и часто не связанные взаимно частицы, *анализ ее явлений в аспекте архетипичности* является вполне адекватным исследовательским дискурсом.

Архетип выступает в культурологическом знании в нескольких качествах:

- как объект самостоятельного исследования (К.-Г. Юнг), конструируемый и верифицируемый в его самостоятельном значении и позволяющий совершать разнообразные интеллектуальные операции, направленные на установление иных представлений;

- как матрица/механизм/алгоритм/модель иных представлений, на которые, собственно, и направлена мысль большинства исследователей; прежде всего это касается категории «мифа», а также «познания», «сознания», «языка», «характера», вплоть до «мира» и многих других;

- как дефиниция, употребление которой позволяет конкретизировать либо расширять проблемное поле исследования, обогащать его содержание.

Следует разделить представленные материалы на те, где буквально употребляется слово «архетип», и не только у самого Юнга, но у других авторов, и те, где соответствующее понятие предполагается, подразумевается либо авторы с ним соотносятся, употребляя другие понятия.

Архетип в версии К. Г. Юнга. Отталкиваясь от известного представления К. Юнга о том, что «элементарный образ, или архетип, есть фигура – является ли она демоном, человеком или событием, – которая в процессе истории повторяется там, где свободно проявляется человеческая фантазия», мы в связи с массовой культурой доподлинно убеждаемся: эти образы «...являются в определенной степени обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений» [20, с. 57].

Многие авторы, например С. Аверинцев и Е. Мелетинский, напоминают об источнике использования слова «архетип», взятого из платонической традиции, в частности из словоупотребления христианского платоника V в., известного под именем Дионисия Ареопагита.

Значение архетипа для массового сознания было отмечено тем же К. Юнгом. «Любая связь с архетипом, – писал он..., – освобождает в нас голос более могучий, чем наш собственный. Тот, кто разговаривает первообразами, разговаривает тысячью голосами» [20, с. 59].

Следует также напомнить, что, по К. Юнгу, совокупностью архетипов является бессознательное как осадок «всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных начал», а сам архетип – проявление инстинкта [20, с. 131].

Мы строим осмысление опыта создателей популярных произведений современной массовой культуры, исходя из мысли К. Юнга о соотношении архетипа с социальным и нравственным опытом в его конкретном, зримом воплощении: «Архетипы представляют собой системы установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями» [20, с. 136]. Юнг, не вдаваясь в детальные доказательства, высказал суждение о том, что современные люди, лишённые простодушия и конкретности первобытных обрядов как воплощения коллективного бессознательного, оказываются «в затруднительном положении», они уже «слишком критичны и психологичны» [20, с. 239]. Но самое важное, с точки зрения проблемы, которую мы хотим обсудить, – это потребность современных людей в своеобразной защите, которую нужно найти в чем-то ином, чем упомянутые обряды.

Характерен опыт массовой культуры со всем ее принципиальным простодушием и откровенной апелляцией к элементарности коллективного бессознательного. Массовое сознание начала XXI в. опирается на выявленные Юнгом архетипы.

Наиболее репрезентативными для изучения массовой культуры мы полагаем три архетипа: мужской, женский и детский.

У Юнга *мужской архетип* характеризуется сдержанностью, которая «достигается путем вытеснения эмоций» [20, с. 147], в то время как по сути своей мужчине свойственно стремление к особой чувствительности. В отношении *женского архетипа* Юнг утверждает чувство как «специфически женскую добродетель» [20, с. 147], видя

парадокс в том, что «очень женственным женщинам» бывают свойственны сила и стойкость [13, с. 148]. *Детский архетип*, или *архетип ребенка* Юнг связывал с динамикой роста человека, как и человечества в филогенезе. Так, существенно для нашего дальнейшего рассмотрения детского архетипа на сказочном материале то, что именно в мотивах сказок, например, в мотиве инфантильного страха ночи, Юнг видел корни архетипа ребенка [20, с. 138]. «Подобно тому, как детская сказка является филогенетическим повторением древней религии ночи, так и детский страх является филогенетическим повторением психологии первобытного человека...» [20, с. 139]. Для *детского архетипа*, по Юнгу характерна утрата нежных связей – теряется «незаменимое чувство непосредственной связи и единства с родителями» [20, с. 143]. Суровая реальность – «вторжение мира в туман детства уничтожает бессознательное единство с родителями», а если какой-нибудь ребенок «чересчур поддается своему бессознательному и становится слишком простодушным, закон и общество быстро приводят его в сознание» [20, с. 144].

Обращение к категории «архетип» как научной матрице в работах ученых XX в.

У *Э. Кассирера*, как и у большинства ученых, интерес проявлен не к дефиниции, а к ее инструментальному использованию для решения собственных научных проблем, в частности, проблемы познания, языка – прежде всего, «общего представления» о нем, символизации форм. **Архетип** либо соотносится с иными понятиями, либо заменяется такими понятиями, как «*абстрактное*», «*мир нашего восприятия*», «*общая связь*», «*опосредованный результат опытного мышления*», «*упорядоченность в пространстве и в суждении*», «*значение*». В частности, речь у Кассирера идет о *проблематике познания* у таких авторов, как Бэкон, Гоббс, Локк, вплоть до Беркли: «Для того, что они высказывают, ни в физическом, ни в психическом бытии, ни в мире вещей, ни в мире идей не оказывается никакого прообраза, «*архетипа*». Всякая действительность – как психическая, так и физическая – по своей сущности конкретная, индивидуально определенная действительность; поэтому, чтобы пробиться к ее созерцанию, нам необходимо прежде всего избавиться от ложного и обманчивого, «абстрактного» общего характера слова. Со всей решительностью этот вывод сделал Беркли» [8, с. 67].

Ученого также интересует целостная картина мира и его структурное, а также семантическое

понимание. Он, не прибегая к термину «архетип», говорит о мире с учетом этого понятия. И, очевидно, что для Кассирера важно понятие о «связи», что также отсылает к представлению об архетипе. «...В действительности, уже то, что мы называем миром нашего восприятия, не является простой, изначально само собой разумеющейся данностью, напротив, это “наличествует” лишь постольку, поскольку прошло через определенные основные теоретические акты, обработано ими, “усвоено” и определено. Наиболее ясно эта общая связь проявляется, пожалуй, если исходить из созерцательной праформы нашего мира восприятия, из его *пространственной* структуры. Отношения соположения, близости, меньшей и большей удаленности в пространстве как таковые совсем не даны просто вместе с “простыми” ощущениями, с чувственной “материей”, распределяющейся в пространстве, напротив, они представляют собой чрезвычайно сложный, сплошь *опосредованный* результат опытного мышления. Когда мы приписываем вещам определенный размер, определенное положение и определенную удаленность, мы высказываем при этом вовсе не простые данные чувственного ощущения, а помещаем чувственные данные в систему отношений и связей, в конечном итоге оказывающихся не чем иным, как *связью суждений*. Всякая упорядоченность в пространстве предполагает упорядоченность в суждении; всякое различие в положении, размере, в удаленности отмечается и устанавливается только потому, что отдельные чувственные впечатления по-разному оцениваются в суждениях, им придается различное *значение*. Анализ проблемы пространства, проведенный как критической теорией познания, так и психологией, осветил это обстоятельство со всех сторон и очертил его в основных чертах» [8, т. 2, с. 44].

Е. Мелетинский, не доверяя внимательности вчитывания его, условно говоря, студентов, а также испытывая потребность уяснить и подчеркнуть особенности своего понимания проблемы, считает нужным и полезным буквально дать определение имеющейся дефиниции. По сути дела, вносит вклад в актуализацию этой дефиниции применительно к глоссарию.

«*Архетип*» интересовал Мелетинского не в его самостоятельном значении или возможности экстраполяции в изучение определенных культурных феноменов, а в качестве матрицы для конструирования иных концептов или представлений. Так, обращаясь к понятию «*культурный герой*», ученый и не сопоставлял, и не разводил

это понятие с архетипом, практически сняв вопрос о возможной взаимной корреляции этих понятий.

Характерно, что, по мнению Мелетинского, «юнговские архетипы, во-первых, представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае роли и в гораздо меньшей мере сюжеты. Во-вторых, что особенно существенно, все эти архетипы выражают главным образом степени того, что Юнг называет процессом индивидуации, то есть постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, изменения соотношения сознательного и бессознательного в человеческой личности вплоть до их окончательной гармонизации в конце жизни». Отсюда следует, что автор исследования по проблеме *мифокритики* не конспектирует, а интерпретирует, причем достаточно вольно, тексты Юнга, например, в реплике о конце жизни. В связи со сказанным следует подчеркнуть то, как Мелетинский резюмирует свою интерпретацию: «По Юнгу, архетипы описывают бессознательные душевные события в образах внешнего мира» [11, с. 136].

Таким образом, очевидно, что Мелетинский пытается сделать то, чего не сделал, по его мнению, Юнг: *применяет понятие архетипа не к образу, а к действию*. Он отмечает: «...архетип прохождения героем посвященных испытаний дает определенные отголоски и в литературе Нового времени». Кроме того, Мелетинский употребляет как сами собой разумеющиеся достаточно своеобразные в своем сочетании выражения: «*архетип героя*», «*архетипический герой*», «*архетипические черты героя*», «*героический архетип*».

Терминология, применяемая Мелетинским, выходит за рамки собственно юнгианской, которая вольно интерпретируется в ходе акцентирования мифокритической проблематики, отсюда – уход от следования содержательным характеристикам архетипа. «...Архетип героя с самого начала теснейшим образом связан с архетипом антигероя, который часто совмещается с героем в одном лице», – пишет Мелетинский, и становится ясно, что понятие архетипа «используется» им как инструмент обозначения целого ряда, действительно сложных и трудно обозначаемых понятий. Происходит своего рода девальвация этого понятия, например, обсуждаются «архетип идеального героя... и смягченная модификация архетипа антигероя-трикстера». Мелетинского более всего как раз интересует наличие и содер-

жание «...архетипических мотивов», которые российский ученый без детальных доказательств пытался найти у Гоголя, Достоевского и Толстого. При этом упоминаются «*архетип шута*» или «*сказочный архетип*», что является авторской интерпретацией идеи Юнга, но не выражением смысла этих идей.

У *С. Аверинцева* архетип соотнесен с такими понятиями, как «*коллективное бессознательное*», «*творчество*», «*эмоции*», «*форма*», «*эпитет*», особенно важное соотношение – с понятием «*внушение*»; не менее важное и менее всего учитываемое обычно другими исследователями – «*искусство*».

Ссылаясь на немецкое издание К. Юнга, Аверинцев подчеркивает важный, с его точки зрения, тезис: «Архетипы имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику...», поясняя, в свою очередь: «Важно понять, что речь идет именно о схемах, а никак не о настоящих образах». Свое понимание архетипа Аверинцев высказал следующим образом: «Юнг предположил, что бессознательное вновь и вновь продуцирует некоторые схемы, априорно формирующие представления человека. Эти схемы он назвал архетипами».

В версии Аверинцева «...архетип формален, он есть форма, феноменологическая структура». Развернутый комментарий Аверинцева выглядит следующим образом: «Всякое эффективное внушение осуществляется через архетипы; поэтому художник, и это роднит его, по Юнгу, с пророком и другими аналогичными психологическими типами, – это прежде всего человек, отличающийся незаурядной чуткостью к архетипическим формам и особо точно их реализующий. Поэтому архетипический характер внушения ничего не говорит о доброкачественности или злокачественности самого внушения... Мало того, архетип амбивалентен даже с точки зрения биологических критериев: он выработан психофизическим организмом человека как “орган”, гарантирующий равновесие психики, и до поры до времени он действительно спасает индивида в угрожаемых состояниях; но в то же время затопление сознания архетипическими материалами – явная примета невроза или психоза. Архетипичность – эпитет, начисто лишенный всякого оценочного содержания» [1, с. 10].

Осуществление исследовательских акций, основанных на понятиях и представлениях родственных или аналогичных архетипу, но не предъявляющих опыта непосредственной работы с этой категорией

Терминологический аппарат *К. Леви-Строса* включает – без обращения к интересующему нас понятию – такие понятия, как «*родовая и вневременная модель психологических установок*», «*обычай*», «*внечувственные нормы*».

Разрабатывая понятия «*тотемизм*» и примыкающие к нему, значимые для самого ученого, понятия «*миф*», «*ритуал*», «*магия*», апеллируя к предшественникам, от Фрейда до Малиновского, от Бергсона до Дюркгейма, Леви-Строс с очевидной последовательностью **не** апеллирует к Юнгу и к понятию «*архетип*». Это заставляет обратить внимание на недостаточную корректность современных исследователей, который, словно по цепочке наследуя чужие заблуждения или погрешности, приписывают тому или иному корифею разработку интересующего нас понятия. Следует признать, что такие ученые, как Леви-Строс или Леви-Брюль, архетипом не занимались, более того, заметно уходили от использования этого понятия, но их идеи и теории учитывали факт существования этого понятия, однако искали другие подходы и другие термины.

Так, у Леви-Строса появляется термин «*модель*», который в контексте можно соотнести с «*архетипом*». И, по логике ученого, такая модель определяет поведение человека (речь идет в этом случае о современном человеке) в ситуации его непрелюбимой соотнесенности с «*коллективным бессознательным*» (которое также не именуется в традиции Юнга). С последним, юнгианским понятием, вполне можно соотнести встречающееся у Леви-Строса выражение «*внечувственные нормы*».

Апеллируя к Фрейду и упоминая его сочинение «*Тотем и табу*», Леви-Строс берет в союзники Кребера и рассуждает о символическом выражении «...возобновляющейся возможности: родовой и вневременной модели психологических установок, подразумеваемых повторяющимися феноменами или институтами, такими как тотемизм или табу... Будучи членами общности, люди не действуют соответственно своим индивидуальным ощущениям: каждый человек ощущает и действует так, как ему позволяет и предписывается. Обычай даны человеку как внешние нормы до возникновения внутренних чувств, и эти внечувственные нормы детерминируют ин-

дивидуальные чувства, как и обстоятельства, в которых те смогут или должны будут проявиться» [9, с. 84].

Л. Леви-Брюль не апеллирует к Юнгу и не потребляет термин «архетип», поскольку с точки зрения личного бытия двух ученых это было бы анахронизмом. Хотя, по сути, его суждения соотносимы с суждениями Юнга. Так, то, что, по Юнгу, принято называет «коллективным бессознательным», Леви-Брюль называет «коллективными представлениями».

Терминологический аппарат включает понятия, имеющие содержательную природу, аналогичную понятию «архетипа»: «малодифференцированная деятельность (первобытных людей)» – и, параллельно, «идеи или образы объектов», «коллективные представления», «эмоциональная сила представлений», «общее начало», «охраняющая сила».

Собственные представления Леви-Брюля, коррелирующие с понятием архетипа и взглядами на эту дефиницию Юнга и его интерпретаторов, касаются первобытных людей и выражены следующим образом. Во-первых, упоминается, что «деятельность их сознания слишком малодифференцирована для того, чтобы можно было в нем самостоятельно рассматривать идеи или образы объектов, независимо от чувств, эмоций, страстей, которые вызывают эти идеи и образы или вызываются ими». Во-вторых, формулируется: «...коллективные представления достаточно часто получают индивидом при обстоятельствах, способных произвести глубочайшее впечатление на сферу его чувств... Трудно преувеличить эмоциональную силу представлений. Объект их не просто воспринимается сознанием в форме идеи или образа. Сообразно обстоятельствам теснейшим образом перемешиваются страх, надежда, религиозный ужас, пламенное желание и острая потребность слиться воедино с “общим началом”, страстный призыв к охраняющей силе...» [10, с. 29].

Несмотря на то, что *Э. Берн* нигде не употребляет понятие «архетип», он не только ссылается на идеи Юнга, но, по сути, в своей терминологической системе актуализирует представления об архетипе на чрезвычайно тонком и специфическом уровне психологии личности в ее психоаналитической версии. Игровая парадигма личностного бытия и, соответственно, социопсихологических идей, у Берна нуждается в юнгианском обосновании. Поэтому к суждениям ученого добавляются нюансы, унаследованные от

З. Фрейда и А. Адлера. Самое важное у Берна: в отличие от архетипа, сценарий и главная его составляющая, предписание, не являются раз и навсегда оформленной структурой, предполагая вариации, которые являются следствием проявления личной воли или выбора.

Среди понятий, коррелирующих с общепринятыми представлениями об архетипе, имеются такие существительные и прилагательные, как «сценарий», «целостные системы идей и чувств», «судьба», «роль», «жизненный план», «психологический импульс», «формула», «предписание», а также весьма показательный глагол «программируют».

Опираясь на свое понимание архетипов, Берн обсуждает особенности транзакционного анализа «Я» как основы изучения целостных систем «идей и чувств, проявляющихся в соответствующих моделях поведения» [2, с. 163].

Архетип имплицитно присутствует в рассуждениях Берна о значимой для него дефиниции сценария. «Сценарий – это постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется... еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [2, с. 175–176]. «Мы считаем сценарием то, что человек еще в детстве планирует совершить в будущем. А жизненный путь – это то, что происходит в действительности. Жизненный путь в какой-то степени предопределен генетически, а также положением, которое создают родители, и различными внешними обстоятельствами» [2, с. 192].

«Сценарий» соотносится у Берна с «образцом»: «Мысль о том, что человеческая жизнь по-прежнему следует образцам, которые мы находим в мифах, легендах и волшебных сказках, основана на идеях Юнга и Фрейда» [2, с. 192].

Логика Берна ведет и к характеристике конкретных сценариев и конкретных образцов. «Почти в каждом жизненном и театральном сценарии есть роли хороших людей и злодеев, счастливых и неудачников. Кого считать хорошим или плохим, кого счастливым, а кого неудачником, определяется весьма специфично для каждого сценария...» Отсутствие закрепленных представлений, возможность не просто изменений, но интерпретации существенно отличает эти «роли» в версии Берна от «архетипа» в версии Юнга. Архетип, оставаясь неизменным, может накладываться,

как матрица, на поведение человека, роль может меняться в зависимости от личной воли или особенностей субъекта: «...совершенно ясно, что в каждом из них присутствуют эти четыре типа, объединенные иногда в две роли... В сценарном анализе психотерапевты называют победителей Принцами и Принцессами, а неудачников зовут Лягушками» [2, с. 179].

Таким образом, при изучении работ Берна можно предположить, что сочетание «сценария» (предопределенности, основанной на чужом опыте и использовании ранее сложившихся представлений о жизни и личности) и «жизненного пути» (продукта индивидуального развития и, возможно, выбора, совершаемого человеком) выводит все же на представление об «архетипе». Иными словами, рассуждения Берна позволяют предположить, что формула его научного взаимодействия с Юнгом могла бы выглядеть так: *сценарий + жизненный путь = архетип*.

Примеры присутствия архетипов в истории культуры и в современной массовой культуре

Обратимся к примерам присутствия архетипов в культуре, опираясь на исследования Т. С. Злотниковой [3–7].

Автором показано, что в мировой культурной традиции *архетипом*, отражающим игровое начало в его сочетании с творческим потенциалом, можно считать Дон Жуана, ставшего излюбленным персонажем литературных и театральных произведений писателей и актеров разных стран. От Тирсо де Молины до Мольера, от Пушкина до Шоу – десятки писателей предлагали свои версии любовной игры, приводившей их героя к гибели. Актерские интерпретации дополнили эти поиски множеством своеобразных вариантов, основанных на специфике личности теперь уже сценических творцов [4, с. 194].

Т. С. Злотниковой убедительно показано, что так называемая «русская скука» порождает в классической драматургии и тот конфликт, который впоследствии станет характерным для драмы абсурда XX в.: «палач» и его «жертва». В пьесе А. Островского «В чужом пиру похмелье» впервые формулируется смысл знаменитого понятия «самодур», четко определяется принципиально нелепая система взаимоотношений между людьми. Островский позволяет буквально связать его персонажей со сложившимся в XX в. *архетипом*: «Человек никого не слушает; ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое» [4, с. 186].

В работах Т. С. Злотниковой продемонстрировано, что массовое сознание в конце XX и в начале XXI в. опирается на выявленные К. Юнгом архетипы с их гендерной спецификой. Сравнивая описания Юнга и варианты, предлагаемые современной массовой культурой, автор обращает внимание на следующую закономерность.

У Юнга *мужской архетип* характеризуется сдержанностью, которая «достигается путем вытеснения эмоций», в то время как, по сути, мужчине свойственно стремление к особой чувствительности. Брутальные персонажи шекспировских хроник, романтические любовники из поэм Байрона или опер Верди органически вошли в опыт создателей телесериалов в Мексике, Бразилии, как и в опыт русского писателя Б. Акунина.

Мужской архетип в российском масскультурном дискурсе может быть уложен в формулу «честь имею» [5]. Т. С. Злотникова обобщает опыт кинематографа (фильм о Колчаке «Адмирал», 2008, реж. А. Кравчук; фильм о хоккеистах «Легенда № 17», 2013, реж. Н. Лебедев), обратив внимание на то, как в массовой культуре маркируется соединение силы и нежности, интеллекта и решительности, то есть, свойств, имеющих исток в девичьи грезы героинь русской классической литературы. Автором было подчеркнуто, что «честь имею» – это не просто мужское, но мужественное поведение [5].

В отношении *женского архетипа* Юнг утверждает чувство как «специфически женскую добродетель», видя парадокс в том, что «очень женственным женщинам» бывают свойственны сила и стойкость. Для подтверждения этого тезиса достаточно вспомнить шекспировскую Катарину из «Укрощения строптивой» с ее знаменитым тезисом: «Наша сила в нашей слабости». Рядом с нею выстраивается такой характерный логический ряд, как реальные женщины, современные писательницы, будь то Т. Толстая или М. Арбатова, Д. Рубина, Е. Вильмонт, до них – В. Токарева, и современные литературные персонажи типа хрупкой и неприспособленной к быту интеллектуалки Каменской.

Архетипы массовой культуры могут быть в полной мере таковыми лишь при наличии определенного (позитивного) нравственного посыла автора и персонажа. Поэтому героини Д. Донцовой являют ценность дружбы и инициативности в любых, подчас безнадежных или опасных, ситуациях. Кроме того, мы полагаем весьма важным аспектом проявления женского архетипа в современной массовой культуре то, что в «дамских»,

написанных с органической иронией и с тактом не только нравственным, но и вербальным, присутствует явственный отпечаток толерантности как неперемennого и непреложного закона жизни [6].

В связи с тем, что *детский архетип* в России не имеет отчетливого национально-ментального дискурса и был в свое время идеологически детерминирован (тексты А. Гайдара, В. Катаева, А. Рыбакова, позднее Д. Драгунского и других детских писателей, в кинематографе – наиболее типичным образом, с одной стороны, в картинах Р. Быкова, с другой – в сериях «Ералаша»), мы не характеризуем его отдельно. Отметим только, что заимствованный характер архетипического ребенка, тем не менее, в последнее десятилетие имеет объяснения в российской культурной, нравственной, психолого-педагогической ситуациях. Поскольку момент идентификации в высшей степени характерен для массовой культуры, мы считаем, что в романах о чудо-мальчике, Гарри Поттере, чрезвычайно популярных у российских детей, подростков и их родителей и учителей, последовательно утверждается и достойно демонстрируется принцип добропорядочности, пусть и устаревшей. Недаром, полагаем, для тех, кому сегодня уже под 30 лет, Гарри Поттер стал объектом внимания и приязни в силу своих интернационально внятных свойств, предъявленных в исследовании З. Фрейда и опирающихся на юнгианскую архетипичность. Напомним, что, основываясь на идеях своего предшественника, Фрейд писал о страхе «оставленного наедине маленького ребенка» [17]. Перечисляя людей, наиболее близких любому человеку массы, Фрейд называл, наряду с прямыми родственниками, учителя и врача. Наконец, он отмечал тяготение «человека массы» к стабильности традиций, регулирующих отношения в массе, и к наличию подразделений, «выражающихся в специализации и дифференциации работы каждого человека».

В контексте массовой культуры не просто очевидной, но весьма важной представляется особенность современного телевидения, опирающаяся на коммуникативные и психоэмоциональные аспекты. Т. С. Злотникова отмечает, что у многих телепроектов, даже если они «куплены» у зарубежных телекомпаний, в «подсознании» русские классические образцы. К примеру, «усадебна» («Растительная жизнь» с П. Лобковым, всевозможные «дачи», «фазенды» и пр.); «семья» («Пока все дома» с Т. Кизяковым, «Большая семья» с Ю. Стояновым; «русская баба» (удобный вариант для повсеместного употребления – «коня на скаку

остановит», «побежит на шпильках» – «Женский взгляд» с О. Пушкиной, «Жена» с К. Прошутинской, позднее появившаяся программа «Наедине со всеми» с повзрослевшей Ю. Меньшовой, которой в более молодом возрасте было разрешено на более скромном канале вести программу с более «нахальным» названием «Я сама», так внутри архетипа произошла трансформация деталей); «трапеца» (Гоголь с Собакевичем, Чехов с историей о блинах, которые не в силах съесть иностранец – и «кулинарные» программы с А. Макаревичем, Ю. Высоцкой, Д. Назаровым, О. Кучерой, вплоть до Н. Королевой и ее мамой Н. Порывай); «башня из слоновой кости» Вяч. Иванова («Апокриф» с В. Ерофеевым, «Игра в бисер» с И. Волгиным) [3].

Таким образом, мы установили присутствие архетипа как кода в массовой культуре в целом и в российском ее дискурсе.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии [Текст] / С. С. Аверинцев // Вопросы литературы. – М., 1972.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди : Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры : Психология человеческой судьбы [Текст] / Эрик Берн ; пер. с англ. А. В. Ярхо ; общ. ред. М. С. Мацковского. – СПб. : Лениздат, 1992.
3. Злотникова, Т. С. Имитация «документального» и симуляция «художественного» в современной массовой культуре [Текст] / Т. С. Злотникова // Филология и культура. – 2014. – № 3.
4. Злотникова, Т. С. Эстетические парадоксы актерского творчества: Россия, XX век [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013.
5. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И. Мужской архетип в игровом поле массовой культуры [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина // Вопросы культурологии. – 2014. – 11.
6. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011.
7. Злотникова, Т. С. Примирение с жизнью: «следы» классики в массовой культуре / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 1.
8. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык [Текст] / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001.
9. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление [Текст] / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001.
10. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-пресс, 1994.

11. Леви-Строс К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Строс. – М. : Республика, 1994.
12. Мазиллов, В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века [Текст] // Психологический журнал. – 2006. – № 1. – Т. 27. – С. 23–34.
13. Мазиллов, В. А. Карл Густав Юнг и методологические проблемы современной психологии [Текст] // Психологическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 100–102.
14. Мазиллов, В. А. Карл Густав Юнг: возвращение в Россию [Текст] // Психотехнологии в социальной работе. Вып. 1 / под ред. В. В. Козлова. – Кострома : МАПН, 1996. – С. 43–53.
15. Мазиллов, В. А. Стены и мосты [Текст]. – Ярославль : МАПН, 2004.
16. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах [Текст]. – М. : РГГУ, 1994.
17. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» [Текст] / Зигмунд Фрейд // «Я» и «Оно» : Труды разных лет : в 2 кн. / З. Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Кн. 1.
18. Шадриков, В. Д. Внутренний мир человека [Текст]. – М., 2005.
19. Шадриков, В. Д., Мазиллов, В. А. Общая психология [Текст] : учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. – М. : Юрайт, 2015.
20. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени [Текст] / Карл Густав Юнг ; пер. с нем. А. М. Боконикова ; предисл. А. В. Брушлинского. – М. : Изд. Гр. «Прогресс» : Универс, 1996.
21. Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Академический проект, 2013
22. Юнг, К. Г. Психология бессознательного [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Канон, 1994.
5. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I. Muzhskoj arhetip v igrovom pole massovoj kul'tury [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina // Voprosy kul'turologii. – 2014. – 11.
6. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011.
7. Zlotnikova, T. S. Primirenie s zhizn'ju: «sledy» klassiki v massovoj kul'ture / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2008. – № 1.
8. Kassirer, Je. Filosofija simvolicheskikh form. T. 1. Jazyk [Tekst] / Je. Kassirer. – M. ; SPb. : Universitetskaja kniga, 2001.
9. Kassirer, Je. Filosofija simvolicheskikh form. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie [Tekst] / Je. Kassirer. – M. ; SPb. : Universitetskaja kniga, 2001.
10. Levi-Brjul', L. Sverh#estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Tekst] / L. Levi-Brjul'. – M. : Pedagogika-press, 1994.
11. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Tekst] / K. Levi-Stros. – M. : Respublika, 1994.
12. Mazilov, V. A. Metodologicheskie problemy psihologii v nachale XXI veka [Tekst] // Psihologicheskij zhurnal. – 2006. – № 1. – Т. 27. – С. 23–34.
13. Mazilov, V. A. Karl Gustav Jung i metodologicheskie problemy sovremennoj psihologii [Tekst] // Psihologicheskoe obozrenie. – 1998. – № 2. – С. 100–102.
14. Mazilov, V. A. Karl Gustav Jung: vozvrashhenie v Rossiju [Tekst] // Psihotehnologii v social'noj rabote. Vyp. 1 / pod red. V. V. Kozlova. – Kostroma : MAPN, 1996. – С. 43–53.
15. Mazilov, V. A. Steny i mosty [Tekst]. – Jaroslavl' : MAPN, 2004.
16. Meletinskij, E. M. O literaturnyh arhetipah [Tekst]. – M. : RGGU, 1994.
17. Frejd, Z. Massovaja psihologija i analiz chelovecheskogo «Ja» [Tekst] / Zigmund Frejd // «Ja» i «Ono» : Trudy raznyh let : v 2 kn. / Z. Frejd. – Tbilisi : Merani, 1991. – Кн. 1.
18. Shadrikov, V. D. Vnutrennij mir cheloveka [Tekst]. M., 2005
19. Shadrikov, V. D., Mazilov V. A. Obshhaja psihologija [Tekst] : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. – M. : Jurajt, 2015.
20. Jung, K. G. Problemy dushi nashego vremeni [Tekst] / Karl Gjustav Jung ; per. s nem. A. M. Bokonikova ; predisl. A. V. Brushlinskogo. – M. : Izd. Gr. «Progress» : Univers, 1996.
21. Jung, K. G. Struktura psihiki i arhetipy. – M. : Akademicheskij proekt, 2013
22. Jung, K. G. Psihologija bessoznatel'nogo. – M. : Kanon, 1994.

Bibliograficheskij spisok

1. Averincev, S. S. Analiticheskaja psihologija K.-G. Junga i zakonmernosti tvorcheskoj fantazii [Tekst] / S. S. Averincev // Voprosy literatury. – M., 1972.
2. Bern, Je. Igrы, v kotorye igrajut ljudi : Psihologija chelovecheskih vzaimootnoshenij. Ljudi, kotorye igrajut v igrы : Psihologija chelovecheskoj sud'by [Tekst] / Jerik Bern ; per. s angl. A. V. Jarho ; obshh. red. M. S. Mackovskogo. – SPb. : Lenizdat, 1992.
3. Zlotnikova, T. S. Imitacija «dokumental'nogo» i simuljacija «hudozhestvennogo» v sovremennoj massovoj kul'ture [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Filologija i kul'tura. – 2014. – № 3.
4. Zlotnikova, T. S. Jesteticheskie paradoksy akterskogo tvorchestva: Rossija, HH vek [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013.